

К вопросу о злоупотреблениях чиновников местных финансовых учреждений в последней четверти XVIII – первой половине XIX века (на материалах Верхневолжских губерний)

Д. С. Павлова

В статье рассмотрены чиновники Казенной палаты как особая социальная группа отечественной бюрократии XIX века; выделена проблема служебных злоупотреблений, казнокрадства и взяточничества в финансовых учреждениях; представлена система поощрений и наказаний; проведен анализ причин служебных злоупотреблений и распространенности этого явления в обществе.

Ключевые слова: Александр I, взяточничество, винный пристав, Екатерина II, Казенная палата, казначей, казнокрадство, наказание, поощрение, соляной пристав, финансовые учреждения, чиновник.

To the question of the officials abuse in a local financial institutions at the last quarter of XVIII century – the first half of XIX century (by the materials of upper Volga province)

D. S. Pavlova

The officials of the Government Chamber as a special social group of national bureaucracy in the XIX century is analyzed in the article; the problems of office abuses, embezzlement of state property and bribery in financial establishments were marked out; the system of punishment and encouragement is shown; the reasons of office abuses and prevalence of this phenomena in the society is analyzed.

Key words: Alexander I, bribery, vinous police officer, Katherine II, government chamber, treasurer, embezzlement of state property, punishment, encouragement, salt police officer, financial establishments, official.

В русской истории существует определенная закономерность, которую давно заметили современники, жившие в преобразовательные эпохи: проведение реформ в России неразрывно связано с усилением коррупции. К таким периодам истории относятся годы правления Петра I, когда реформированию подверглись все сферы жизни российского государства, а казнокрадство и взяточничество достигли невиданных масштабов, поразив все этажи государственного управления. При Екатерине II эта тенденция сохранилась, охватив как центральные, так и местные органы управления. Злоупотребления чиновников часто были связаны с отсутствием средств к существованию вследствие нерегулярной выплаты жалованья, низкой ставки чиновников. В результате реформы второй половины XVIII века, которая была призвана бороться с негативными явлениями в бюрократическом аппарате, изменения коснулись только внутренней структуры учреждений. «Учреждение о губерниях» 1775 г. послужило поводом для создания новых губернских учреждений, основанных на разделении административных, судебных и финансовых функций. Для рациональной организации управления на местах вводились новые учреждения с увеличением численности бюрократического аппарата. Во избежание роста злоупотреблений по службе в 1771 г. были введены формулярные списки с полной служебной характеристикой, при этом

размер жалования остался прежним, регулярность выплат не соблюдалась, условия быта чиновников не контролировались. В итоге расширение штатов привело лишь к одному: с этого времени рождаются «целые поколения самой несчастной породы нищих во фраке» [8, с. 55].

Служебные злоупотребления, таким образом, росли пропорционально росту чиновничьего аппарата, охватывая, прежде всего, сферы, связанные с финансами. В исследовательской литературе, как дореволюционной, так и советской и постсоветской, деятельность финансовых учреждений рассматривается критически. В XIX в. И. С. Блюх давал резкую оценку главному финансовому ведомству страны, считая, что «реформы Екатерины должны были вызвать новые потребности, но администрация, не только местная, но и высшая, втихомолку и более прежнего возвращалась к заветным преданиям старины – взяточничеству. В результате полное расстройство финансов, нечестность первых людей в государстве и снисходительность императрицы к бездарным фаворитам ее старости – ни для кого не были тайной... Впоследствии финансы, юстиция, внутреннее благоустройство представляли мрачный образ беспорядков и злоупотреблений и после 1812 г.» [3, с. 67, 86, 123]. В статье П. Берлина и вовсе акцент ставился на рассмотрение взяточничества как неотъемлемого элемента русской жизни [2, с. 159–185].

В наше время исследователь И. А. Исаев признал Казенную палату одним из наиболее бюрократических учреждений местного управления монархической России, где процветали казнокрадство и взяточничество [9, с. 440].

Л. Е. Шепелев, акцентирует внимание на том, что расширение чиновничьего аппарата шло параллельно с ростом служебных злоупотреблений, в итоге к первой половине XIX века вся губернская администрация была дезорганизована и коррумпирована. Частично это было связано с военными событиями первой четверти века, длительной отлучкой из страны Александра I и его пассивностью, но главным образом – с несовершенством законодательства, низкой культурой местной администрации и ее фактической безнаказанностью [14, с. 86].

В работах Н. П. Ерошкина [9] обозначена другая причина бюрократического произвола, размеры которого зависели от социального статуса и материального достатка чиновников. С подобной позиции рассматривает служебные злоупотребления Л. Ф. Писарькова, акцентируя внимание на том, что взяточничество и казнокрадство для большей части бюрократии являлись залогом материального благополучия не только в XVIII веке, но и в первой половине XIX века [11, с. 24].

Мнение ряда исследователей, полагающих, что условия службы российского чиновника обрекали его на нарушение присяги и создавали почву для широкого распространения взяточничества и казнокрадства, тем не менее, небесспорно.

Так, с одной стороны, происходило распространение взяточничества и казнокрадства, что оправдывали сами высокопоставленные сановники. Это могло вызвать неуважение к закону, и, в конечном итоге, оказать развращающее влияние на общество. Наглядным примером служит дело надворного советника и кавалера Николая Герасимовича Сеславина, 49 лет от роду, из дворянского сословия, по которому «19 февраля 1810 года по предписанию Его Императорского Высочества генерал-губернатора Новгородской, Тверской и Ярославской губерний чиновник был удален от должности и предан суду по случаю происшедшего в Твери при продаже в мелочной лавке соли злоупотребления» (ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 7607. – Л. 5). Тем не менее, в формулярном списке от 1814 г. он значился в должности советника, а описание его служебной деятельности оканчивалось 16 мая 1808 г. – датой вступления в должность советника Тверской казенной палаты. О нахождении под следствием

данных в служебном деле не было (ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 7608. – Л. 9).

Тем не менее, подобная практика не отменяла за аналогичные злоупотребления наказания для канцелярских служащих, не имевших классовых чинов. С последней четверти XVIII века за ленность, пьянство, упущения по службе и другие нарушения дисциплины их держали под арестом на хлебе и воде, сажали в колодки на цепь, били розгами, палками и плетьюми, а в крайних случаях сдавали в солдаты. В 1804 году был принят даже специальный указ, запрещавший чиновникам наказывать канцелярских служащих. Так, в 1809 г. канцелярист Яков Страшинин, 20 лет от роду, из приказнослужительских детей, «по решению Тверской уголовной палаты был выдержан за позднее хождение по улицам при казначействе 7 дней» (ГАТО. – Ф. 312. Оп. 4. Д. 7607. Л. 42). А, например, в 1810 г. подканцелярист Николай Иванович Калинин, из того же сословия, по решению Уголовной палаты содержался месяц под караулом при казначействе за взятие на дому просроченных крестьянских паспортов (ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 7607. – Л. 47). От подобных наказаний освобождал чин коллежского регистратора 14 класса, дававший его владельцу личное дворянство. Таким образом, по мнению А. С. Орлова, губернские учреждения, в частности казенная палата, поддерживали диктатуру дворянства в центре и на местах [10, с. 202]. Подтверждая вышесказанное, другой исследователь Т. Г. Архипова, отмечает, что учет социального происхождения при назначении чиновников на должности или при их наказании и поощрении, приводит к преобладанию дворянства в государственном аппарате [1, с. 40, 55].

С другой стороны, следует отметить, что правительство неукоснительно принимало меры для ограничения злоупотреблений на местах. В 1805 г. выходит Указ Сената о непринятии начальниками губерний подарков и подношений (ГАКО. – Ф. 133. – Оп. 1. – Т. 2. – Д. 2899). Спустя пять лет, в 1810 г., данное указание было расширено, и вышло распоряжение о воспрещении приношений и подарков от обществ не только начальникам губерний, но и всем другим чиновникам [4, с. 100–101]. В фонде канцелярии Ярославского губернатора сохранилось письмо от генерал-губернатора принца Г. П. Ольденбургского гражданскому губернатору князю М. Н. Голицыну, с сопровождением этого документа «для сведения и надлежавшего исполнения указания от 1810 г.» (ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 722. – Л. 1–3).

За растрату казенных средств, взяточничество и злоупотребления чиновник мог получить суровое наказание. Наиболее часто упоминающимися в источниках финансовыми злоупотреблениями являются недостача и уничтожение соли или вина в казенных магазинах, притеснение покупателей соли или отсутствие ее в продаже, а также непредоставление залога. За подобное злоупотребление чиновники карались штрафами или увольнением со службы без дальнейшего права занимать финансовые должности. По данным Костромской казенной палаты, два соляных пристава, помощник винного пристава и магазинный вахтер, обвиняемые в недостаче и уничтожении соли, были уволены с занимаемых должностей (ГАКО. – Ф. 200. – Д. 6. – Л. 12. – Д. 46. – Л. 36. – Д. 52. – Л. 19, 30). В Казенной палате Тверской губернии, в период с 1810 по 1827 г., четыре дела были связаны со служебными злоупотреблениями по случаю продажи в мелочной лавке соли, притеснений покупателей солью и отсутствия ее в продаже, за что были оштрафованы и отстранены от должности (ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 7607. – Л. 5, 26, 28, 30). А в случае дела о мошенничестве архивариуса, коллежского секретаря Павла Андреевича Лукина признали виновным за неявку «по бытности его расходчиком денег 2896 руб. 2 к.», в результате по указу Сената его запрещено было определять к должности «с введением на хранение казенного интереса» (ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 7607. – Л. 8).

В случае крупного казенного хищения виновный был вынужден продавать свое имущество, чтобы покрыть недостачу. Напротив, в 1824 г. в Ярославской губернии слушалось дело о продаже имущества чиновника на покрытие потраченных казенных денег бывшего бухгалтера Углицкого уездного казначейства титулярного советника Александра Лебедева (ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 1. – Д. 360. – Л. 14). На продажу выставилось все его имущество, включая дом, землю и личные вещи. Для организации продажи администрация устраивала торги и аукционы, в случае большой суммы растраты в переписи аукциона включалось имущество не только должника, но и всей его семьи.

Оправдательный приговор выносился редко. Например, в Тверской губернии из 8 дел о злоупотреблениях – только по одному делу бухгалтера, коллежского регистратора Афанасия Ивановича Посникова, который в 1801 г. находился под судом за причинение обид ямщикам и взяточничество (ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 7607.

– Л. 34). Единственный оправдательный приговор с 1800 по 1853 г. был отмечен в Костромской казенной палате в деле «Об упущении должности, надзирателем Макарьевского уездного правления по питейным сборам, коллежским секретарем Семеном Ивановичем Френевым», чиновника оправдали, так как он не был найден виновным (ГАКО. – Ф. 200. – Д. 41. – Л. 10).

Следует заметить, что в случае недоказанной вины чиновника суд оставлял его «в подозрении»; при такой формулировке пребывание под судом не сказывалось на карьере. Так, в 1810 г. коллежский регистратор, Василий Изотопович Александровский, из церковного сословия, оказался под судом в Тверском уездном суде под подозрением в пропаже у титулярного советника Голоховского «перстня старинного, осыпанного бриллиантами». В итоге он был оставлен в уголовной палате в опальном подозрении (ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 7607. – Л. 13). Тем не менее, в формулярных списках за 1814 и 1820 г. уже не встречается имя этого чиновника, что дает возможность предположить о неблагоприятном исходе дела. Некоторые дела чиновников, находившихся «в подозрении», производились по доносам и могли быть сфабрикованы, поэтому принятие судебного решения занимало несколько лет. Например, в 1824 г. шло разбирательство о производимых беспорядках Пошехонским казначеем Сторовым по доносу Пошехонского бухгалтера Ивана Попова о попусшении. Разбирательство на месте производил наместник Макаров. Это дело, длившееся несколько лет и занимавшее более 200 листов, состояло в основном из просьб казначея Сторова ознакомиться с доносом и со всеми материалами дела (ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 17 – 36).

Анализ рассмотренных на настоящий момент источников не позволяет сделать вывод о широком распространении взяточничества и казнокрадства в финансовых учреждениях. При рассмотрении 83 личных дел чиновников и служащих Костромской казенной палаты с 1800 по 1853 г. было отмечено всего пять судебных разбирательств. При исследовании 472 формулярных списков чиновников и служащих Казенной палаты Тверской губернии в период с 1810 по 1827 г. было отмечено лишь 14 судебных разбирательств. Из них 8 дел были связаны со служебными злоупотреблениями.

В финансовом ведомстве главной статьей при служебном злоупотреблении были махинации с соляными откупам и продажей казенной соли в

магазинах, а основной причиной уголовных и административных правонарушений – пьянство, а на этой почве грубость, непослушание, воровство, причинение вреда, как физическим лицам, так и имуществу. В частности, по материалам Тверской палаты, из шести уголовных дел – пять были связаны с отставкой служащих и чиновников за пьянство, неисправление должности, ослушивание, «неприятные» поступки (ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 7607. – Л. 12, 13, 16, 40 – 41). В случае губернского секретаря Николая Ивановича Денифенионова, 28 лет, речь идет уже об уголовном преступлении: чиновник оказался под судом за избиение в пьяном состоянии мальчика (ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 7607. – Л. 11).

Необходимо отметить следующее: многие исследователи особое внимание уделяют фактологическим материалам, в которых учитываются лишь наказания и количество злоупотреблений, зачастую игнорируя практику поощрения, применяемую к чиновничеству за указанный период; из-за этого и складывается впечатление полной коррумпированности данных государственных служащих. Тем не менее, для создания объективного представления о службе чиновников финансового ведомства изучаемого периода необходимо отметить количество поощрений и благодарностей служащим, усердно выполнявшим свой служебный долг.

Как уже было отмечено, чиновник мог получить награду за отличное выполнение своего долга. В финансовых ведомствах особое значение имела экономия государственного бюджета, «дабы доходы в целости сохранены были», поэтому правительственными наградами отмечали прежде всего служащих, сохранивших и преумноживших государственные средства и не замеченных в растратах. Необходимо отметить, что чиновники с отличным послужным списком могли совмещать одновременно несколько финансовых должностей, особенно в уездном казначействе. Причина данного обстоятельства, надо полагать, состоит в низком образовательном уровне чиновников. В первой половине XIX века лишь 10 % всех служащих имели среднее или высшее образование, хотя работа на должности бухгалтера, казначея, винного или соляного пристава требовала экономического знания, поскольку им вверялось государственное имущество, гербовая печать, бумага, винная продукция, прошедшая проверку, и казенная соль, они также составляли ведомости расхода и прихода, отчетности по текущим суммам. В результате должности вверя-

лись служащим, имевшим не столько образование, сколько практический опыт работы в финансовой сфере. В частности, Тверской уездный казначей, титулярный советник Семен Степанович Хлебников, 55 лет, из духовного сословия, за время своей службы «обучил нескольких из подчиненных ... канцелярских служителей обряду письмоводства и поставил способность к службе; а также совмещал в 1811 г. должность казначея с должностью соляного пристава, которую сдал в исправности, за что получил как знак за долговременную и беспорочную службу в 1812 г. перстень от его Императорского Величества (ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 7608. – Л. 37).

В качестве примера можно привести послужной список Тверского соляного пристава, титулярного советника Никиты Максимовича Абримова, 47 лет. Во время службы в Тверской казенной палате на бухгалтерской должности с 1800 по 1814 г. он проявил «радение и усердие». В частности, он получил благодарность за «верное заведование приходом и расходом канцелярских сумм общей сложностью в 36535 руб. 1 коп». В итоге, в 1804 г. он был командирован в Ржевское уездное казначейство по случаю утраты некоторой суммы тамошним казначеем. В результате проверки стало известно место поступления денег, сумма была определена в казну и записана в приход в подлежавшие сборы. В формулярном списке чиновника указаны суммы, которые находились на хранении в казначействе за время его службы: «В 1808 г., будучи уездным казначеем, имел на руках сумму – 8361334 р. 74 к., разной гербовой и паспортной бумаги, по цене – 325587 руб. – все было сосчитано и начетов не оказалось; мелкие ассигнации на размен большого достоинства и ветхие ассигнации значились суммою в 475000 руб.; также было внесено разными уездными чиновниками на хранение в сундуках и своими печатями – 2193557 руб. 34 к. – 11355419 руб. 9 к, выплаты за соль – 7082482 руб.». По результатам проверки все оказалось в сохранности, за что служащий получил чин титулярного советника, как за дело снабжения солью государства, и в 1814 г. был определен соляным приставом в Тверь (ГАТО. – Ф. 312. – Оп. 4. – Д. 7608. – Л. 48).

За период с 1800 по 1830 г. 6 из 12 уездных казначеев Тверской губернии были отмечены благодарностями «за усердную деятельность, за целостность казны и ведение книг и счетоводства в порядок, замеченный в отличном поведении, имевшего на руках казенного интереса и денеж-

ной суммы». Особую благодарность от министра финансов получали служащие, спасавшие казенное имущество. В Костромской губернии смотритель дистанционного подвала, губернский секретарь Алексей Петрович Петров получил признательность от Министра финансов за сохраненное во время пожара казенное имущество (ГАКО. – Ф. 200. – Оп. 7. – Д. 46. – Л. 25). Помимо повышения в звании и благодарностей, чиновников могли наградить деньгами. Так, в Костромской губернии кологривского соляного пристава, титулярного советника Василия Никитовича Безсонова за усердную службу наградили годовым жалованием (ГАКО. – Ф. 200. – Оп. 7. – Д. 53. – Л. 24).

Помимо награждения чиновников за безупречное исполнение служебного долга, правительство со всей тщательностью подходило к проблеме кадрового состава. В конце XVIII века Екатерина II для предотвращения казнокрадства для охраны государевых доходов ставила только самых доверенных лиц, прошедших беспорочную военную службу и вышедших в отставку. В каждом уезде при казне определялось четыре человека отставных гвардии унтер-офицеров, которые должны были присутствовать при внесении денег в кладовую и при их изъятии [12, с. 119–120]. В дальнейшем эта тенденция сохранилась. После расширения экспедиций Казенной палаты возникла проблема с проверкой казенных откупов на вино и соль, контроль количества охраняемой продукции в соляных и винных магазинах осуществляли магазинные вахтеры. Как правило, магазинными вахтерами служили отставные солдаты, матросы или унтер-офицеры с «безупречными послужными списками», где внимание в первую очередь акцентировалось на личностных характеристиках, а не на уровне образования (среди них встречались представители крестьянского сословия, не знавшие даже русской грамоты). В формулярных списках упоминаются чиновники из отставных военных, вышедших на пенсию или сознательно поменявших вид государственной службы. После окончания Отечественной войны 1812 г. в формулярных списках появляется графа о военной службе, где отмечается, «в комплекте ли находился человек или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с которого времени» (ГАКО. – Ф. 200. – Оп. 7. – Д. 39. – Л. 27).

Так, в деле коллежского регистратора Гаврилы Петровича Коломарова, помощника надзирателя

Галичского управления питейных сборов указывается, что он в октябре 1812 г. по выбору благородного дворянства поступил в Костромское ополчение в Первый пехотный полк с переименованием чина в прапорщика. В связи с тем, что чиновник во время участия в Русском заграничном походе 1815 г. имел отличный послужной список, «не упуская ни одного случая показывать свое усердие, где не только служба, но и честь того пребывала», ему было предложено с полным пансионом перейти на гражданскую службу за выслугою лет (ГАКО. – Ф. 200. – Оп. 7. – Д. 41. – Л. 32–33). Варнавинский помощник надзирателя питейного сбора, губернский секретарь Афанасий Федотович Кандидов, находясь в 1812 г. в Ярославском ополчении, проявил себя «достойнейшим образом в неоднократных сражениях и перестрелках с неприятелем», что, по мнению его поручителей, требовало соответствующей награды в виде присвоения очередного гражданского звания (ГАКО. – Ф. 200. – Оп. 7. – Д. 46. – Л. 38). Надо отметить, что большинство отставных военных неофицерского звания не имели образования, но отличались «проверенной государю верностью», они составляли 70 % вахтеров при винных и соляных магазинах (ГАКО. – Ф. 200. – Оп. 7. – Д. 46. – Л. 38). Их основная работа заключалась в наблюдении за сохранностью казенной продукции. Формулярные списки показывают, что с этой должности редко переводились на вышестоящую или увольнялись по тем или иным причинам, средняя выслуга магазинных вахтеров составляла 10–20 лет.

По материалам формулярных списков Костромской губернии с 1800 по 1853 г., из 85 чиновников благодарность имели 19 человек (ГАКО. – Ф. 200. – Д. 6. – Д. 37. – Д. 41. – Д. 44. – Д. 46. – Д. 52. – Д. 53. – Д. 60. – Д. 61). По материалам Тверской губернии, в первой половине XIX века отмечено по формулярным спискам 14 чиновников, получивших повышение в звании, награды и благодарности.

Анализ послужных списков чиновников позволяет сделать вывод о том, что финансовое ведомство представляло достаточно замкнутое учреждение со своей, так сказать, «клановой системой». Более 60 % чиновников служили в ведомстве целыми семьями по два, а порой и по три-четыре поколения. Более 70 % чиновников имели семью, из них 65 % – с детьми. Из детей мужского пола 80 % продолжали службу в ведомстве своего родителя.

Более 20 % чиновников финансовых учреждений Верхнего Поволжья в последней четверти XVIII – первой половины XIX в. имели государственные награды, ордена, медали и годовое жалование, из них 15 % – за участие в военных кампаниях.

Исследование местных архивных материалов позволяет подвергнуть критике ряд негативных оценок реформ 1775 и 1810 гг., в частности, реформы финансового ведомства.

Мнение ряда исследователей, в соответствии с которым условия службы российского чиновника обрекали его на нарушение присяги и создавали почву для широкого распространения взяточничества и казнокрадства, весьма относительно. С одной стороны, если ориентироваться на данные местных архивов, в частности на архивы казенных палат Тверской, Костромской и Ярославской губернии, можно отметить низкий процент служебных преступлений (в некоторые годы, по формулярным спискам, и вовсе не зафиксировано ни одного нарушения). С другой стороны, исследователи зачастую не рассматривают служебные характеристики чиновников с точки зрения благодарностей и поощрения за безупречную службу.

Таким образом, изучение архивного материала позволило не только расширить источниковую базу исследования, но и ввести в научный оборот новые данные по истории местных финансовых государственных учреждений последней четверти XVIII – первой половины XIX в.

Библиографический список

1. Архипова, Т. Г. История государственной службы в России XVIII – XX вв. [Текст] / Т. Г. Архипова, М. Ф. Румянцева, А. С. Сенин. – М., 2000.
2. Берлин, П. Из прошлого русской взятки [Текст] / П. Берлин // Новая жизнь. Сентябрь. – 1912. – № 10.
3. Блюх, И. С. Финансы России XIX столетия. История – статистика. Т. 1. [Текст] / И. С. Блюх. – СПб., 1882.
4. Варадинов, Н. История Министерства внутренних дел. Ч. II. Кн. I. [Текст] / Н. Варадинов. – СПб., 1859.
5. Государственный архив Костромской области (далее ГАКО).
6. Государственный архив Тверской области (далее ГАТО).
7. Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО).
8. Евреинов, В. А. Гражданское чиновничество в России [Текст] / В. А. Евреинов. – СПб., 1887.
9. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России [Текст] / Н. П. Ерошкин. – М., 1997.
10. Исаев, И. А. История государства и права России. Полный курс лекций [Текст] / И. А. Исаев. – М., 1994.
11. Орлов, А. С. Основы курса истории России [Текст] / А. С. Орлов // Финансовый вопрос в губернии. – М., 2005.
12. Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX в. [Текст] / Л. Ф. Писарькова // Человек. – 1995. – № 3.
13. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. – Т. 5. Законодательство расцвета абсолютизма [Текст]. – М., 1986.
14. Шепелев, Л. Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. [Текст] / Л. Е. Шепелев. – СПб., 1999. – С. 86.